

Импортный кукловод боевой амуниции
пикачак сеззуппакетр бивоня теволев
китонг китил кидориец онгидина Владимир

пмтзюордил, чихавнев рогетили
незорех соотноадо и исхитяняне
кренадхху вавикс мидзакисне
Суроррофо бо рревивех хлснадет
осдакне бонвеагвошля Болгоия и
Повошценация бродливях Средни
и Соединй Азии окевоин Риодина
бомагквастюй сорродех состопениця
дуреригу в 38 тепт раопупатеньчаант
вскей короверде нлудьменстеи
згогсталаа венцева от амезынтава
интевоверчия омакениня
гопизениизгирва

Кмосилальхий
обиникенсти
пгапопксетеа
векорпэни
индбоннвми
поздрнннлн
онилниси запу
питерсчоави
полгорепазо
и сериода
воророве
патяпнани
ауауауа
сеааауа
бвгвгв
вазпа
завг
каи
юак
бегу
нл в
мшоя
офауа
векити
пвааннн
соевсачааи

«Михаил Скобелев: жизнь и подвиги белого генерала»

Михаил Дмитриевич Скобелев
греботчкна и глмнтан
соратипвая рисоюаиР
суга вартукрии попан
вастьени гротеп ту—
одродонтекиша пос
обву:иловси иистс
аротазиннаия полиа
всавийсринстикаа лад
поащавенкиа сройе
всоевени, жина пиотс
РГВид глтвериях поранс
готтолелонатвнн кзко
'разоауаша яггишнн'
риенкесд ит.
сорта
:vll

Война Владимир «Михаил Скобелев: жизнь и подвиги белого генерала»

<https://litres.ru/74564037>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец XIX века. Михаил Дмитриевич Скобелев — фигура, равная Суворову, освободившая Болгарию и присоединившая Среднюю Азию к России. Не проиграл ни одного сражения, но умер в 38 лет при загадочных обстоятельствах.

Эта монументальная биография основана на архивных документах, письмах РГВИА и мемуарах соратников. Она рассказывает о его карьере: от Туркестана до Балкан, от тактики до стратегии.

Скобелев — гениальный тактик, дальновидный стратег, боровшийся с коррупцией, и трагический герой. Его жизнь — политический детектив и психологический портрет.

Почему гений Скобелев был неудобен двору? Что произошло в гостинице «Англия» в 1882 году? Почему в Болгарии его чтут как святого, а в России имя было под запретом?

Книга раскрывает масштаб личности, чья тень остается в отечественной военной истории.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

«Михаил Скобелев: жизнь и подвиги белого генерала»

Глава

Глава 1. Наследник военной династии: корни, воспитание и призвание

17 сентября 1843 года по старому стилю в Санкт-Петербурге, в доме на Большой Садовой, у отставного поручика Кавалергардского полка Дмитрия Ивановича Скобелева и его супруги Ольги Николаевны, урождённой Полтавцевой, родился сын Михаил. Крестили младенца в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Выбор имени не был случайным — мальчика назвали в честь архангела Михаила, предводителя небесного воинства, словно предопределяя его судьбу. Однако задолго до рождения сына эта судьба была вплетена в суровое полотно русской военной истории.

Военные традиции рода Скобелевых не просто восходили к деду — они были заложены им, Иваном Никитичем Скобелевым, личностью поистине легендарной. Начав службу простым солдатом, он прошёл через огонь наполеоновских войн. В 1806 году при Прейсиш-Эйлау семнадцатилетний унтер-офицер Скобелев получил первое ранение. В Отечественную войну 1812 года капитан Иван Скобелев, командуя

батальоном Рязанского пехотного полка, сражался при Бородине, где лишился двух пальцев на правой руке. Осколок французской гранаты раздробил ему кисть, и, чтобы остановить кровотечение, он велел прибинтовать раненую руку к туловищу.

Именно дед, произведённый к концу жизни в генералы от инфантерии и ставший комендантом Петропавловской крепости, стал главным архитектором характера внука. Иван Никитич был не только воином, но и литератором — автором популярных в армии «Писок русского инвалида». Он жил в здании комендантского дома, и кабинет старого генерала напоминал музей. Стены были увешаны картами Итальянского похода Суворова и схемами Бородинского сражения.

Воспоминания современников рисуют колоритную картину: маленький Миша, едва научившись ходить, часами сидел в высоком вольтеровском кресле деда, слушая его хриплый голос. Иван Никитич не рассказывал сказки. Он учил внука читать по реляциям 1812 года. «Смотри, Мишенька, — говорил он, водя искалеченным пальцем по карте, — вот здесь Багратион держал флешу. Крови русской здесь пролито — море. А всё потому, что позицию дурно выбрали. Запомни: земля — она либо друг твой, либо убийца».

Именно дед привил Михаилу то, что современники позже назовут «суворовским духом». Иван Никитич, будучи адъютантом Кутузова, видел великого полководца в деле и пе-

редал внуку главную заповедь: «Тяжело в учении — легко в походе. Солдата нужно беречь не жалостью, а наукой». Когда мальчику исполнилось семь лет, дед подарил ему настоящую, но затупленную кирасирскую саблю и потребовал, чтобы внук учился фехтовать левой рукой — «в память о моём увечье, дабы знал, что нет преград для воли».

Отец Михаила, Дмитрий Иванович Скобелев, был человеком совершенно иной формации. Герой Крымской войны, он служил в лейб-гвардии Кавалергардском полку — элитнейшем соединении империи, где традиции парадной службы ценились не меньше боевых. Дмитрий Иванович участвовал в Инкерманском сражении, отличался личной храбростью, но был строг, порой до жестокости.

В доме Скобелевых царил дух суровой, почти спартанской дисциплины. Утро начиналось с ледяного обливания и гимнастики. Отец требовал идеальной выправки за столом. За малейшую оплошность в учёбе или поведении следовало телесное наказание розгами, которое Дмитрий Иванович считал единственно верным методом воспитания дворянина. Мать, Ольга Николаевна, женщина образованная и тонкая, пыталась смягчить эту муштру, обучая сына французскому языку, музыке и истории Древнего мира, но даже она признавала: «Дмитрий кует из него клинок, я лишь пытаюсь не дать этому клинку заржаветь».

Эта двойственность воспитания — романтический героизм деда и холодная, требовательная практичность отца —

создала уникальный сплав в характере Михаила. Он научился сочетать суворовскую любовь к простому солдату с прусской штабной точностью.

После смерти Ивана Никитича в 1849 году семейная атмосфера изменилась. Опасаясь, что чрезмерная строгость отца сломает сына, мать приняла решение, определившее европейский кругозор будущего полководца. В 1853 году десятилетний Михаил был отправлен в Париж.

Он поступил в пансион преподобного Жирардо. В отличие от закрытых русских корпусов, это было светское заведение. Здесь Михаил изучал не только математику и латынь, но и труды Вольтера, Руссо и, что особенно важно, военные записки Наполеона. Он в совершенстве овладел французским и немецким языками, научился европейской учтивости, но сохранил в себе ту внутреннюю сталь, которую заложили в Петербурге. Парижские учителя отмечали его феноменальную память и вспыльчивый нрав — мальчик мог вступить в драку со сверстником за неосторожное слово о России.

Летом 1858 года Скобелев вернулся в Россию. Теперь это был не робкий мальчик, а высокий, широкоплечий юноша с пронзительным взглядом. Он поступил вольнослушателем на математический факультет Санкт-Петербургского университета. Профессора прочили ему карьеру учёного: его способности к анализу и пространственному мышлению были выдающимися. Он занимался у известного педагога Модзалевского, с блеском сдал экзамены.

Однако судьба вновь вмешалась через государственные потрясения. В 1861 году, на фоне отмены крепостного права, по университетам прокатилась волна студенческих волнений. Михаил, никогда не бывший радикалом, вступился за товарищей перед инспектором. Скандал разразился такой, что университет был временно закрыт, а за Скобелевым закрепились репутация «неблагонадёжного».

Для Дмитрия Ивановича это стало последней каплей. «Из тебя не выйдет ни чиновника, ни тихого помещика, — заявил он сыну. — В тебе сидит бес войны. Пойдёшь служить. Посмотрим, как тебя там розга исправит».

В конце 1861 года Михаил Скобелев подал прошение на Высочайшее имя. Он отказался от тёплых мест в канцеляриях и просил зачислить его юнкером в Кавалергардский полк — туда, где служил отец и где десятилетиями висел портрет деда.

Император Александр II, знавший семью, наложил резолюцию: «В полк. Испытать».

Так началась недолгая, но ослепительная военная карьера. Эпоха великих реформ требовала новых солдат и новых офицеров. Эпоха требовала Скобелева. Короткая кавалергардская сабля, которую он когда-то сжимал левой рукой под дедовские рассказы о Бородине, наконец-то легла в его ладонь как боевое оружие. Впереди были пыльные дороги Туркестана, ледяные перевалы Балкан и кровавые пески Геок-Тепе. Белый генерал ещё не знал своего прозвища, но кровь

и слава уже звали его за собой.

Глава 2. Первые шаги в Туркестане: школа песка, солнца и дипломатии

В 1868 году, получив чин поручика и блестяще окончив Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду, Михаил Скобелев добровольно избрал местом службы Туркестанский военный округ. Для столичного гвардейца, привыкшего к паркетам Мариннского дворца и туманам Петербурга, это решение выглядело как добровольная ссылка. Средняя Азия в то время была для империи terra incognita — раскалённая, мятежная окраина, где не действовали законы привычной европейской войны. Однако именно здесь, на стыке песков и горных хребтов, Скобелев нашёл ту среду, где его талант смог развернуться в полную силу, свободную от бюрократической рутины.

В начале 1869 года он прибыл в Ташкент. Город, лишь недавно ставший русским, напоминал военный лагерь. Глинобитные дувалы, пыльные базары, запахи жареного мяса, кумыса и нечистот смешивались с пороховым дымом. Скобелев снял комнату в доме местного купца, демонстративно отказавшись от офицерского собрания. Он хотел жить в ритме этого края.

В это время Россия вела масштабное продвижение вглубь Азии. Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства, раздираемые внутренними распрями, становились объектами имперской экспансии. Это была не просто война за тер-

ритории, но и сложная геополитическая игра с Британской империей, чьи агенты из Индии активно снабжали оружием местных ханов. Скобелев, с его знанием языков и аналитическим умом, быстро понял: чтобы бить противника в поле, его нужно сначала изучить в канцелярии.

Первые два года службы стали для него временем беспрецедентной интеллектуальной и физической закалки. Он не сидел в штабе над картами, а создавал эти карты сам. В составе рекогносцировочных отрядов Скобелев исходил сотни вёрст Зеравшанской долины.

Топографическая летопись: Он лично проводил мензурную съёмку местности. В его походных дневниках того времени нет лирических отступлений — только азимуты, отметки высот, данные о дебите колодцев и плотность грунта. Он наносил на бумагу караванные тропы, которые местные жители скрывали от русских. Именно благодаря его съёмкам артиллерия в будущих походах будет бить не наугад, а по заранее пристрелянным ориентирам.

Климат как противник: В 1871 году, будучи переведён в Красноводский отряд, Скобелев совершил тяжелейший рейд к колодцам Декча. Лето в Каракумах стало его личным врагом. Температура в тени достигала пятидесяти градусов. Воды не хватало, солдаты падали от тепловых ударов. Скобелев, разделяя с казаками все тяготы, заметил одну закономерность: туркмены двигались ночью, а днём отсиживались в тени барханов. Он сделал первый тактический вывод для

будущей войны в пустыне: побеждает не тот, у кого больше пушек, а тот, кто умеет управлять суточным циклом.

В 1871 году он также провёл глубокую разведку путей на Хиву. Составленная им карта дорог к ханству была настолько точной, что спустя два года, во время Хивинского похода, колонны генерала Кауфмана шли по ней, как по проспекту. Скобелев не просто рисовал ландшафт, он анализировал его тактические свойства. Он отмечал места, где конница увязнет в такырах (высохших солончаках), и точки, где пехота сможет укрыться от внезапного налёта.

Весной 1873 года началась Хивинская экспедиция. Скобелев был назначен офицером Генерального штаба при Мангышлакском отряде полковника Ломакина. Этот отряд считался самым несчастливым: Ломакин был нерешителен, снабжение было провалено, а путь лежал через самую безводную часть пустыни Усть-Юрт.

Отряд таял на глазах. Пал верблюд — погибал солдат, так как некому было везти его воду. Скобелев, видя, как падает боевой дух, взял на себя роль не штабиста, а вожака. Когда авангард остановился перед колодцем, оказавшимся отравленным или сухим, именно Скобелев садился на коня и в одиночку, рискуя попасть в засаду, уезжал на десятки вёрст в сторону от курса, чтобы найти следы старых, засыпанных песком родников.

Кульминацией похода стал момент, когда войска, измученные жаждой, встали в двух переходах от Хивы. Ломакин

склонялся к тому, чтобы повернуть назад — люди и лошади были на пределе. Скобелев явился в палатку полковника. Не прося, а требуя, он разложил свои расчёты: «Вода есть. В трёх милях к северо-западу, в русле сухого оврага, под слоем песка на глубине двух аршин стоит подпочвенная вода. Я дам своих казаков с лопатами. Если через четыре часа мы не начнём копать — расстреляйте меня перед строем».

Воду нашли. Отряд вошёл в Хиву. За этот поход Скобелев был удостоен ордена Святого Георгия IV степени. В реляции было сухо указано: «За неустрашимость и благоразумную распорядительность при движении в безводной пустыне». Но для самого Михаила это стало крещением огнём. Он на практике постиг главную истину среднеазиатской войны: логистика первичнее тактики. Армия, у которой есть вода и выносливые верблюды, непобедима.

В 1874 году его производят в полковники и назначают флигель-адъютантом Его Императорского Величества — редчайшая честь для офицера, не имевшего столичной протекции. Казалось бы, после этого прямая дорога назад, в Петербург, к дворцовым парадом. Но Скобелев, вернувшись в Туркестан, совершает поступок, шокировавший высшее общество: он женится на фрейлине императрицы княжне Марии Гагариной, а затем немедленно увозит молодую жену не на европейские курорты, а обратно в пыльный Ташкент. Брак, однако, оказался ошибкой молодости. Разность культур, характеров и темпераментов привела к разрыву уже в

1876 году. Скобелев с головой ушёл в службу, окончательно похоронив личную жизнь ради военной карьеры.

К 1875 году он был назначен старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии. Но бумажная работа тяготила его. Когда в Кокандском ханстве вспыхнуло очередное антирусское восстание, Скобелев буквально выпросил у командующего войсками генерала Кауфмана под своё начало казачью сотню.

Он снова ушёл в степь. На этот раз его противником была не только природа, но и фанатичная, быстрая конница кипчаков. Здесь, в стычках под Андижаном, Скобелев впервые применил свою знаменитую тактику «двойного удара»: демонстративный, шумный фронтальный налёт казаков, на который противник бросал все резервы, и скрытый, тихий обходной манёвр небольшой группы отборных джигитов, которые заходили в тыл и били по обозу.

К концу 1875 года Кокандское ханство было усмирено. Скобелев, которому едва исполнилось тридцать два года, был произведён в генерал-майоры. Но главное — он был назначен военным губернатором и командующим войсками вновь образованной Ферганской области. Из разведчика и рубаки он на глазах превращался в администратора и политика. Белая черкеска боевого офицера сменилась на строгий мундир губернатора, но шашку со своего стола он так и не убрал. Туркестан признал в нём своего хозяина.

Глава 3. Ферганский лев: Кокандская война, Алай-

ская экспедиция и искусство умиротворения

1875 год стал для молодого генерал-майора Скобелева экзаменом на государственную зрелость. Назначение военным губернатором Ферганской области было не просто повышением — это была передача в управление огромного, густонаселённого и крайне взрывоопасного края. Фергана, бывшая сердцем Кокандского ханства, напоминала кипящий котёл. Здесь сталкивались интересы оседлых сартов (узбеков), кочевых киргизов, фанатичных кипчаков и бухарских шпионов.

Скобелев прибыл в Новый Маргилан (ныне Фергана) в январе 1876 года. Его предшественники пытались управлять краем через местных аксакалов и байскую верхушку, закрывая глаза на коррупцию и работорговлю. Скобелев выбрал иную тактику — тактику прямого, жёсткого и демонстративного вмешательства.

Первым делом он нанёс удар по экономической базе мятежей. Основным товаром на рынках Коканда были рабы — персы и русские пленники, захваченные во время набегов. Скобелев издал приказ: любой, у кого в доме будет найден раб, лишится всего имущества, а сам отправится на каторгу. Для убедительности он приказал провести публичную демонстрацию: на площади Нового Маргилана были сожжены колодки и цепи. Это был ясный сигнал всем работорговцам.

Однако административные меры требовали подкрепления военной силой. В июле 1875 года, пока Скобелев ещё

только принимал дела, в Кокандском ханстве вспыхнуло масштабное восстание под предводительством Пулат-хана (Исхак-бека). Мятежники, провозгласив «газават» (священную войну), двинулись на русские владения, вырезая по пути мирных жителей.

Скобелев действовал с молниеносной решимостью, которая станет его визитной карточкой. Он не стал ждать сбора всех полков. Взяв под командование летучий отряд, состоящий всего из шести казачьих сотен, одной роты пехоты и четырёх конных орудий, он выступил навстречу основным силам повстанцев.

Сражение под Махрамом (22 августа 1875 года)

Противник занял укреплённую позицию за старой крепостью Махрам, перегородив дорогу рвами и завалами из саксаула. Кокандцы имели десятикратное численное превосходство. Скобелев построил свой крошечный отряд в плотное каре. Он лично расставил орудия на углах, приказав бить картечью. — Стоять насмерть, — бросил он казакам. — Если хоть один побежит, я лично повешу его на ближайшем дереве. Мы — стена. Бой длился три часа под палящим солнцем. Кокандская конница раз за разом накатывала на русские позиции, осыпая их стрелами и свинцом. Скобелев, пренебрегая опасностью, стоял в полный рост в белом кителе. Пуля пробила полу его мундира, другая снесла крышку кобуры, но он не шелохнулся. Когда повстанцы выдохлись, Скобелев отдал приказ к контратаке. Казачьи сотни, развернувшись

лавой, прорвали фланги кокандцев. Сражение превратилось в резню. Потери русских составили всего несколько человек ранеными, тогда как поле под Махрамом было усеяно телами мятежников. Путь на столицу ханства — Коканд — был открыт.

Взятие Коканда и пленение Худояр-хана

Не давая врагу опомниться, Скобелев на плечах отступающих ворвался в город. Однако здесь его ждала не битва, а политический фарс. Бывший правитель ханства, Худояр-хан, трусливо бежал, бросив гарем и казну. Город был охвачен мародёрством. Скобелев ввёл в Коканд войска и объявил военное положение. Расставив пулемёты (митральезы) на перекрёстках главных улиц, он прекратил грабежи в течение суток. Его появление на белом коне среди разъярённой толпы произвело магическое действие — ореол «Белого генерала», непобедимого и бесстрашного, уже начал работать на него.

Вскоре Худояр был найден. Скобелев не стал его казнить. Он понимал: публичная расправа над законным ханом делает его мучеником. Вместо этого он организовал вывоз Худояра в Россию. Это была сложнейшая операция. Отряд Скобелева, конвоируя свергнутого хана, его гарем и остатки казны, подвергался непрерывным атакам повстанцев. Скобелев лично разработал маршрут, используя ночные переходы, и довёз хана до Ташкента в целости. Этот акт милосердия к поверженному врагу, граничащий с дерзостью, возвысил его авторитет даже среди местного духовенства.

Алайская экспедиция (1876 год)

Усмирив равнину, Скобелев обратил взор на горы. На юге, в неприступной Алайской долине, кочевали киргизы во главе с могущественной «алайской царицей» — Курманджан-даткой. Её сыновья совершали дерзкие набеги на русские почтовые станции. Скобелев повел войска в горы. Это была война на высоте трёх тысяч метров, где не хватало кислорода, а лошади срывались в пропасти. Скобелев шёл пешком вместе с солдатами, подбадривая их шутками. Решающее сражение произошло на перевале Арча-Булак. Киргизы, уверенные в своей недосыгаемости, скатывали на русских огромные валуны. Скобелев приказал сапёрам рубить ступени во льду, а артиллерии — бить шрапнелью по вершинам, осыпая противника осколками камня. Войска Курманджан-датки были разбиты. Сыновья её попали в плен. Сама же семидесятилетняя царица с горсткой верных джигитов уходила через ледники Памира в Афганистан.

Эпизод с пленением престарелой матери вождей стал хрестоматийным. Когда Скобелеву привели её сыновей, он принял их не как пленников, а как гостей. — Где ваша мать? — спросил он. — Она ушла, чтобы не видеть позора, — ответил старший сын, Абдул-бек. Скобелев помолчал, глядя на карту. Затем он приказал принести из своих личных запасов парчовый халат, шёлковые платки и корзину со сладостями. — Передайте ей это, — сказал он. — Скажите, что генерал Скобелев просит её вернуться. Алай — её дом. Я не во-

ую со старухами и женщинами. Мне нужны мирные пастухи, а не мёртвые герои. Курманджан-датка, поражённая таким великодушием, вернулась. Она принесла присягу на Коране на верность Белому царю. До конца своих дней она оставалась лояльной России, а Скобелев до конца жизни называл её «почтенной матерью». Это был высший пилотаж имперской дипломатии: превратить врага в союзника, не пролив лишней крови.

Трагедия губернатора

К концу 1876 года Ферганская область была полностью замирена. Скобелев развернул бурную административную деятельность. Он строил дороги, открывал школы, лично инспектировал тюрьмы, выбивая дух коррупции из местных чиновников. Он заставил казну работать на край, а не на карман беков. Однако эта честность стала его приговором. Местные баи, лишившиеся доходов от рабства и взяток, засыпали Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана и Петербург доносами. Скобелева обвиняли в самоуправстве, жестокости и даже в желании отделить Фергану и стать её независимым ханом. Весной 1877 года, в разгар его успехов, пришёл приказ: Скобелев отстранялся от должности губернатора. Обвинения не подтвердились, но его карьера была сломана бюрократическим равнодушием.

Он покидал Фергану с тяжёлым сердцем. В письме другу он писал: «Здесь я научился побеждать. Здесь я научился управлять. И здесь же я понял, что самый страшный враг

русского офицера сидит не в кокандской крепости, а в прохладных кабинетах на Мойке».

Тем не менее, за неполные два года в Туркестане Михаил Скобелев прошёл путь от талантливого штабиста до полководца и государственного деятеля. Он завоевал Среднюю Азию не только штыком, но и умом. Он научился понимать психологию азиата, уважать её силу и использовать её слабости. Белый генерал покидал Азию, чтобы через несколько месяцев явиться на Балканы, где его таланты потребуются уже не для усмирения племён, а для спасения братского славянского народа. Туркестан был его юношеством. Впереди была зрелость, и она пахла порохом Шипки и кровью Плевны.

Глава 4. Звезда над Дунаем: переправа, Шипка и предчувствие победы

В апреле 1877 года Россия объявила войну Османской империи. Для Михаила Скобелева, томившегося в опале после несправедливого снятия с должности ферганского губернатора, эта новость прозвучала как звук сигнальной трубы. Кабинетная тишина Петербурга и административная рутина были для него невыносимы. Едва узнав о начале боевых действий, он подал рапорт о переводе в действующую армию.

Скобелев прибыл на Дунайский фронт в июне. Его назначили начальником штаба сводной казачьей дивизии, которой командовал его отец — генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Скобелев. Ситуация для русской армии складывалась тя-

жело. Главные силы топтались на месте перед мощными турецкими крепостями, а снабжение было нарушено. Однако именно здесь, на берегах великой реки, Скобелеву предстояло совершить свой первый подвиг, который мгновенно сделал его имя известным всей армии.

Форсирование Дуная у Зимницы (15 июня 1877 года)

Переправа через широкий, быстрый Дунай под огнём противника была операцией колоссального риска. Командование готовилось к ней основательно, но Скобелев внёс в план решающие коррективы. Он настоял на создании ложных пунктов переправы выше и ниже по течению, чтобы распылить огонь турецких батарей. В ночь на 15 июня густой туман, редкий для этих мест в июне, опустился на реку. Скобелев лично сел в первую лодку с авангардом 14-й пехотной дивизии генерала Драгомирова. — Если турки нас заметят, мы ляжем здесь все, — сказал он офицерам, сжимая в руке револьвер. — Но если мы зацепимся за тот берег, война будет выиграна. Лодки бесшумно скользили по воде. Когда до берега оставалось несколько десятков саженей, туман внезапно начал редеть. Турецкие часовые на высотах у Зимницы подняли тревогу. Шквал свинца обрушился на реку. Вода закипела от пуль. Скобелев стоял на носу лодки во весь рост. Пули сбили с него фуражку, пробили полу шинели. Он не пригибался. Его высокая фигура в белом кителе была идеальной мишенью, но солдаты, видя своего генерала, перестали грести в панике и навалились на вёсла с удвоенной силой.

Лодка с треском врезалась в камыши. Скобелев первым выпрыгнул в ледяную воду, доходившую ему до груди. — За мной, братцы! В штыки! — крикнул он, карабкаясь на обрывистый берег. В считанные минуты горстка русских солдат, ведомая Белым генералом, закрепилась на крошечном пятчке турецкого берега. Когда рассвело, плацдарм был расширен. Переправа главных сил стала вопросом времени. За этот подвиг Скобелев был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость» и представлен к ордену Святого Георгия III степени.

Ловча: репетиция полководца (22 августа 1877 года)

После закрепления на правом берегу армия двинулась к Балканским горам. Главной преградой на пути к Плевне стал город Ловча. Это был не просто населённый пункт, а мощный узел дорог, связывавший Плевну с Софией и Шипкой. Пока Ловча была в руках турок, снабжать осадную армию под Плевной было невозможно. Скобелев к этому моменту уже командовал передовым отрядом. Он подошёл к Ловче с востока. Город был сильно укреплён: турки под руководством иностранных инженеров возвели люнеты, опоясали высоты рвами и установили на холмах артиллерию. Скобелев не стал бросать людей на пулемётный огонь в лоб. Его тактика всегда строилась на манёвре.

Разведка: Всю ночь его казаки и пластуны ползали по оврагам, нащупывая слабые места в турецких позициях.

Артиллерийская дуэль: На рассвете 22 августа 120 рус-

ских орудий открыли ураганный огонь. Скобелев лично стоял на батарее, корректируя стрельбу. Он приказал бить не по стенам, а по гребням высот, поднимая тучи пыли, чтобы ослепить турецких наводчиков.

Обход: Пока турки ждали атаки с фронта, Скобелев скрытно перебросил колонну пехоты и спешенных казаков через лощину в обход правого фланга. В 10 утра, когда фронтальная атака 30-го пехотного Полтавского полка уже начала выдыхаться под перекрёстным огнём, на турецкие редуты с тыла обрушился шквал свинца. — Теперь наше! — крикнул Скобелев, выхватывая шашку. — Полтавцы, вперёд! Полки ринулись в штыки. Турецкая оборона рухнула. Ловча пала за четыре часа. В плен сдалось более 2000 аскеров, было захвачено 6 знамен и вся артиллерия. Эта победа имела колоссальное значение. Во-первых, Плевна была отрезана от подкреплений. Во-вторых, армия увидела в Скобелеве не просто храбреца, а мастера комбинированного боя. Поговорка «Где Скобелев — там и победа» начала свой путь из окопов Ловчи в солдатские песни.

Шипкинский перевал: адская жара и ледяной холод

Сразу после Ловчи Скобелев был назначен начальником 16-й пехотной дивизии. Ему была поручена оборона Шипкинского перевала — стратегического ключа к Балканам. Август 1877 года на Шипке запомнился русским солдатам как «адская кузница». Турки, пытаясь сбросить малочис-

ленный русский отряд с гор, шли в атаки волна за волной. Скобелев, сменив белый китель на пропотевший солдатский мундир, не уходил с позиций. Он спал в окопах, ел из одного котла с рядовыми и лично водил резервы в контратаки на гору Святого Николая. Его дивизия таяла от турецких пуль, шрапнели и солнечного удара, но не отступила ни на шаг. Скобелев ввёл жесточайшую экономию патронов, приказав стрелять только намеренно, и организовал систему эшелонированной обороны, где каждый уступ скалы был превращён в крепость.

Третий штурм Плевны (30 августа 1877 года)

День 30 августа — именины императора Александра II — командование решило отметить взятием Плевны. Это была трагическая ошибка. Скобелеву снова поручили левофланговый отряд. С рассветом его дивизия пошла на штурм Гривицких редутов. Это был кульминационный момент его балканской эпопеи. В отличие от других генералов, чьи войска топтались на месте, войска Скобелева действовали как единый механизм. Он лично повёл в атаку Владимирский пехотный полк. Используя складки местности, владимирцы под губительным огнём ворвались в первый редут. Завязалась жестокая рукопашная схватка. Турки, ведомые Осман-пашой, дрались с отчаянием обречённых. Скобелев ввёл в бой резервы — Ревельский и Либавский полки. Русские войска прорвались к окраинам Плевны. До центра города оставалось менее версты. Победа была в руках. И в этот момент

случилось то, что Скобелев не мог простить командованию до конца своих дней. Командующий, великий князь Николай Николаевич-старший, испугавшись за фланги, остановил атаку. Резервы были отозваны. Скобелеву, прорвавшему всю турецкую линию, было приказано отступить. — Ваше Высочество, мы стоим на пороге победы! — телеграфировал он в отчаянии. — Дайте мне Гренадерский корпус, и к вечеру Плевна будет наша! Ответ был сух: «Отходить на исходные». Скобелев отводил свои войска последним. Он шёл вдоль цепи, не кланяясь пулям, с белым лицом и сжатыми губами. Его дивизия потеряла в этом бессмысленном бою более 5000 человек убитыми и ранеными. Несмотря на поражение, именно этот «неудавшийся» штурм прославил Скобелева на всю Европу. Иностранные военные агенты (атташе), наблюдавшие за боем, доносили своим правительствам: «Если бы русские генералы обладали половиной энергии и таланта этого молодого командира, Константинополь был бы взят к сентябрю». За Плевну он был произведён в генерал-лейтенанты.

Зимний поход через Балканы

Декабрь 1877 года. Армия замерзала в грязи под Плевной. Но тут Осман-паша совершил ошибку — попытался прорваться и был пленён. Плевна пала. Главнокомандующий задумал дерзкий план: не ждать весны, а перейти через обледенелые Балканские горы зимой, чтобы ударить туркам в спину. Скобелеву предстояло вести свою 16-ю дивизию.

зию через Иметлийский перевал — самый высокий и трудный путь. Это был марш смерти. Люди шли по пояс в снегу, таща на руках орудия. Ветер сдувал с обрывов лошадей и людей. Скобелев шёл пешком, подбадривая солдат: — Братцы, тяжело? А в Алайских горах было выше! Там хоть воздух был! Потерпите, внизу тепло! 23 декабря, совершив переход, который считали невозможным, дивизия Скобелева спустилась в долину реки Тунджи. Они вышли в тыл турецкой армии, осаждавшей Шипку. 28 декабря 1877 года у деревни Шейново войска Скобелева соединились с колонной Святополк-Мирского. Кольцо вокруг корпуса Вессель-паши замкнулось. Скобелев разработал план двойного охвата. Утром 28 декабря, после артиллерийской подготовки, его полки пошли в атаку. Белый генерал, как всегда, был впереди. — В штыки! За мной! — и турецкая линия, деморализованная появлением русских в тылу, дрогнула. К вечеру 28 декабря 25 000 турецких солдат во главе с тремя пашами сдались в плен. Шипкинско-Шейновское сражение стало шедевром военного искусства. Путь на Константинополь был открыт. Звезда Белого генерала взошла в зенит. Из опального губернатора далёкой провинции он превратился в национального героя, надежду России и грозу Османской империи.

Глава 5. Поход на Константинополь: триумф, политика и горечь Сан-Стефано

Шипкинско-Шейновская победа 28 декабря 1877 года

прозвучала для Османской империи погребальным звоном. Путь на юг, к Адрианополю и далее — к самому сердцу державы, Константинополю (Стамбулу), был открыт. В русской ставке царила эйфория, однако для Михаила Скобелева, чья дивизия вынесла на себе основную тяжесть последнего удара, наступили дни тревожного ожидания. Он понимал: война выиграна штыком, но мир будет писаться пером дипломатов, и это перо может перечеркнуть всю пролитую кровь.

Сразу после капитуляции Весселя-паши Скобелев был назначен командующим авангардом всей действующей армии. В его распоряжении находились лучшие полки — те самые, что брали Ловчу и прорывали редуты Плевны.

Адрианополь: город без боя (8 января 1878 года)

Наступление превратилось в стремительный марш. Турецкая армия была деморализована и разбежалась. Скобелев, верный своему принципу «скорость — лучший вид обороны для противника», гнал войска вперёд, не давая туркам закрепиться. Кавалерия под его началом срывалась в бешеные аллюры. Казачьи разъезды доносили, что крупные города оставлены гарнизонами. 8 января 1878 года авангард Скобелева подошёл к Адрианополю (Эдирне) — древней столице Османской империи, второму по значимости городу государства. Ворота города были распахнуты настежь. На стенах не было ни одного солдата. Скобелев въехал в город на своём белом коне Арабе в сопровождении лишь двух ординарцев. Тишина огромного, испуганного города давила на уши. Жи-

тели, ожидавшие грабежей и резни, прятались в домах. Скобелев отдал строжайший приказ: «За мародёрство — расстрел на месте. Мы пришли не как завоеватели, а как освободители». К вечеру в город вошли основные силы. Скобелев разместил штаб в бывшем дворце турецкого паши. На столе лежали карты. До Константинополя оставалось всего 240 километров по хорошей дороге. Казалось, достаточно одного перехода.

Рывок к Царьграду

Скобелев рвался вперёд. Его кавалерия заняла городок Чорлу, находившийся в 80 километрах от турецкой столицы. Передовые разъезды 19 января 1878 года достигли предместий Дедеагача и станции Булаир. В бинокли передовых постов уже были видны минареты Стамбула и свинцовые воды Мраморного моря. В этот момент Скобелев отправил в штаб отчаянную телеграмму: «Передовые части на берегах Марицы. Константинополь открыт. Жду приказа к выступлению. С продовольствием на три дня. Моральный дух войск — высочайший». Он был уверен, что ещё один переход, ещё один бой у Булаирских укреплений, и русская конница ворвётся в Святую Софию. Это был бы конец многовекового геополитического спора. Россия получала контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Тень британского флота

Однако 13 февраля 1878 года в пролив Дарданеллы, нарушив международное право, вошёл британский бронено-

сец «Сьюперб». За ним следовала вся эскадра Средиземноморского флота Её Величества. В Лондоне началась паника. Премьер-министр Дизраэли заявил в парламенте, что русские не войдут в Константинополь, пока в жилах англичан течёт хоть капля крови. Британская эскадра встала на якорь в Безикской бухте, буквально в нескольких милях от русского авангарда. Скобелев, узнав об этом, пришёл в ярость. Он понимал, что Англия не готова к большой войне с Россией из-за одного города, но она готова к дипломатической блокаде. — Мы стоим в виду Святой Софии, — говорил он своим офицерам, сжимая кулаки. — Мы положили здесь сто тысяч жизней. А теперь какой-то адмирал с туманного Альбиона машет нам флажком «стоп»? Но приказа идти вперёд не поступало. Из Санкт-Петербурга шли панические депеши. Александр II, боясь общеевропейской войны и изоляции России, приказал остановить войска.

Сан-Стефано: мир на пороге победы

19 февраля 1878 года в предместье Константинополя, в деревушке Сан-Стефано, Скобелеву было приказано расквартировать свой штаб. Именно здесь, в доме местного грека, был подписан прелиминарный (предварительный) мирный договор. Скобелев наблюдал за прибытием турецких делегатов. Осман-паша, пленённый под Плевной, и великий визирь Савфет-паша шли к дому переговоров пешком, низко опустив головы. Навстречу им, верхом на белом Арабе, выехал Скобелев. Он не сказал им ни слова, лишь молча

посторонился, давая дорогу. Этот молчаливый триумф унижения противника был красноречивее любых слов. Условия Сан-Стефанского мира были блестящими: создание независимой Болгарии, передача России Карса, Батума и Ардагана, огромная контрибуция. Скобелев был назначен командиром 4-го армейского корпуса и остался на Балканах до конца 1878 года, обеспечивая порядок на оккупированных территориях. Он жёстко пресекал попытки мародёрства и мести со стороны болгар, заявив: «Мы пролили кровь за их свободу, а не за право их грабить».

Берлинский капкан

Однако триумф в Сан-Стефано оказался иллюзией. Весной 1878 года в Берлине был созван конгресс великих держав. Россию на нём представлял престарелый и больной канцлер Горчаков, которому противостоял железный Бисмарк и язвительный Дизраэли. Результаты Берлинского трактата стали для Скобелева личным оскорблением. Болгарию разрезали на три части, урезав её территорию вдвое. Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, а Англия «взяла под защиту» Кипр. Скобелев писал другу: «Мы завоевали всё это кровью наших солдат. Мы стояли в двух часах хода от дворца султана. А теперь европейские портные перекраивают нашу победу ножницами дипломатии. Мы отдали то, за что платили золотом русской крови». Особенно его возмущала позиция Германии, которую в России считали «сестрой по оружию». Бисмарк, «честный маклер», фак-

тически поддержал англичан.

Разочарование полководца

Скобелев покидал Балканы с тяжёлым сердцем. Война, в которой он не знал поражений, закончилась политическим поражением. Он увозил с собой не только славу «Спасителя Болгарии» и орден Святого Георгия II степени, но и глубокое убеждение, что военные победы бессмысленны без политической воли довести их до конца. Именно в болгарских городах — Плевне, Ловече, Шейново — солдаты сложили о нём песню, строки которой стали пророческими: *Белый генерал на белом скакуне, Он не знает страха на большой войне. Где ступает он — там дрожит земля, Где прикажет он — там падут поля.*

Образ Белого генерала, верхом на белом коне, въезжающего в покорённые города, стал легендой всей Европы. Но сам Скобелев знал страшную правду: его белый конь остановился в двух часах пути от величайшего триумфа России по воле людей, никогда не слышавших свиста пуль. Он возвращался в Россию не просто героем, а человеком, осознавшим смертельную угрозу с Запада. Балканский поход научил его: главный враг России не в Константинополе и не в Плевне. Он — в Берлине и Лондоне. И готовиться к встрече с ним нужно не на парадах, а в глухих лесах Белоруссии, превращая каждый корпус в несокрушимую боевую машину.

Глава 6. Покоритель Геок-Тепе: инженерия пустыни и триумф воли

После возвращения с Балкан Михаил Скобелев оказался в странном положении. Вся Россия носила его на руках, его портреты висели в каждой лавке, но при дворе на него смотрели с опаской. Слишком популярен, слишком независим, слишком резок в суждениях. Александр II, опасаясь растущего влияния «Белого генерала», отправил его подальше от столицы — в Закаспийский край. Формально это было высокое назначение: Скобелев стал командующим войсками области. Фактически это была почетная ссылка.

В 1879 году русское оружие в Средней Азии впервые дало осечку. Первая Ахалтекинская экспедиция под командованием генерала Ломакина закончилась провалом при штурме крепости Геок-Тепе. Войска, измученные переходом по пустыне без воды, были отбиты текинцами с огромными потерями.

Скобелев, прибыв в Ашхабад, с присущей ему дотошностью изучил причины неудачи. Он не искал виноватых среди солдат. Виноват был штаб. Ломакин пытался взять азиатскую крепость европейским нахрапом, забыв, что в пустыне главный враг — не пуля, а жажда.

Скобелев начал готовиться ко второй экспедиции с основательностью, граничащей с одержимостью. Весь 1880 год ушел на подготовку, которую военные историки позже назовут образцовой.

Железная дорога в песках

Главной ошибкой первого похода было отсутствие ты-

ла. Скобелев решил эту проблему радикально. Он приказал начать строительство узкоколейной Закаспийской железной дороги от Михайловского залива (Красноводск) вглубь пустыни. Пока в Петербурге чиновники крутили пальцем у виска, доказывая, что строить чугунку в песках невозможно, Скобелев лично руководил укладкой шпал. К концу 1880 года рельсы были проложены на 156 верст до станции Бала-Ишем. Поезда подвозили снаряды, провиант и, главное, — воду в цистернах. Геок-Тепе, эта «азиатская Троя», лишалась своего главного преимущества — недоступности.

Двойной удар

Скобелев разработал план, исключаящий лобовой штурм. Он разделил отряд (около 8000 человек при 64 орудиях) на две части:

Главная колонна: шла с севера, имея колоссальный запас провианта.

Охватывающая колонна: под командованием полковника Куропаткина (будущего военного министра) должна была пройти по безводным, считавшимся непроходимыми горным тропам, зайти в глубокий тыл крепости, занять Ашхабад и отрезать текинцам пути отхода на юг, в Персию. Это был классический «Седанский маневр» в условиях Каракумов. Скобелев хотел не просто разбить врага, он хотел его окружить и заставить сдаться от голода.

Осада: двадцать дней тишины

В ноябре 1880 года русские войска обложили Геок-Те-

пе. Крепость представляла собой гигантский глиняный четырехугольник площадью в три квадратных километра. Стены высотой до 8 метров были непробиваемы для полевой артиллерии. Внутри, за стенами, находилось от 25 до 45 тысяч защитников — текинцы, считавшиеся лучшими воинами Азии, поклялись умереть, но не сдаться. Скобелев не спешил. Он понимал: штурм без подготовки — это повторение разгрома Ломакина. Началась «тихая война». Саперы по ночам рыли траншеи (апроши), медленно, по 50–70 метров за ночь, приближаясь к стенам. Текинцы делали бешеные вылазки, резались врукопашную в темноте, но русские лопатки продвигались неумолимо. Скобелев запретил дневные передвижения. Днем войска спали в землянках, спасаясь от солнца, а работали только ночью. Он берег людей.

Артиллерийская дуэль и минная галерея

Когда русские траншеи подошли вплотную, Скобелев начал бомбардировку. Но он бил не по стенам, а по внутреннему пространству крепости, сея панику. Решающим ходом стала минная война. Под руководством инженера Тотлебена (героя Севастополя) русские саперы начали рыть подкоп под стену. В ночной тишине, задыхаясь от глиняной пыли, они продвигались под землей. Текинцы пытались рыть контрмины, в подземельях завязывались жуткие схватки на ножах и топорах, но русский ход оказался быстрее. К началу января 1881 года всё было готово. В минной галерее было заложено 116 пудов (около 1900 кг) пороха.

Штурм (12 января 1881 года)

В 11 часов 20 минут утра тишину пустыни разорвал оглушительный взрыв. Земля под стеной Геок-Тепе вздыбилась. Образовался пролом шириной в 30 сажень. В воздух взлетели бревна, тела людей и куски глины. Скобелев, уже сидевший в седле, снял папаху и перекрестился. — В атаку! С Богом! — скомандовал он. Русские колонны ринулись в брешь. Первым в пролом ворвался 13-й лейб-гренадерский Эриванский полк. Началась резня. Текинцы — старики, женщины с кинжалами, подростки — дрались с отчаянием обреченных. Улицы крепости превратились в мясорубку. Скобелев не управлял боем из штаба. Он носился по полю на белом Арабе, появляясь в самых опасных местах. Его присутствие гипнотизировало солдат. Видя генерала, который не кланяется текинским шашкам, они бросались вперед с удвоенной яростью. К вечеру крепость была в руках русских. Но цена была страшной. Уличные бои стоили жизни сотням солдат. Скобелев, объезжая дымящиеся руины, долго молчал. Затем он приказал открыть склады с продовольствием и раздать хлеб уцелевшим жителям.

Письмо из Лютфабада

Взятие Геок-Тепе не стало концом кампании. Скобелев понимал: чтобы удержать завоеванное, нужно добить волю к сопротивлению. Он двинул войска дальше, вглубь оазиса. 9 марта 1881 года из Лютфабада он написал письмо своему начальнику штаба Николаю Гродекову. В этих строках виден

весь Скобелев — прагматик и философ колониальной войны:

«Мы взяли Геок-Тепе не числом, а умением и сапой. Но главное, Гродеков, — скорость. Для азиатов промедление — это смерть духа. Если бы мы сидели под стенами полгода, как советовали из Петербурга, мы бы потеряли армию от болезней и стыда. Я сознательно не затягивал. Удар должен быть как молния: ярко, страшно и насмерть. Теперь они знают, что от нас не спрячешься даже за глиняными стенами толщиной в аршин».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.